

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ДРЕССЛЕР В. У.

ОБ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ СИЛЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ МОРФОЛОГИИ *

1. Естественная морфология (ЕМ) — по крайней мере, тот ее вариант, который представлен в настоящей статье, — возникла в конце семидесятых годов на основе развития и обобщения идей Р. Якобсона о морфологических универсалиях [1]. Она находится в русле исследований, направленных на создание некоторой теории, которую можно было бы противопоставить естественной фонологии Стэмпа (ср. [2, с. 145 и сл.])¹. В предлагаемой работе формулируются и раскрываются на примерах некоторые основные положения и заключения, к которым приходит ЕМ (конечно, все они несут на себе отпечаток теоретической позиции автора).

2. Если говорить о научно-теоретической основе ЕМ в вопросе о возможностях толкования и предсказания описываемых фактов, то здесь мы солидарны с [10, 11] в том, что объяснительные гипотезы отличаются от прогностических преимущественно с точки зрения временной перспективы. Несомненно, мы не должны претендовать на многое: полные, непротиворечивые и всеобъемлющие объяснения (и, соответственно, предсказания) едва ли возможны; лингвисты выдвигают осмысленные толкования намного реже, чем просто постулируют объяснимость каких-то явлений; ряд объяснений вообще носит частный характер (т. е. *explanans* касается лишь некоторых аспектов *explanandum*). Ясно поэтому, что в настоящее время ЕМ не может претендовать на особую объяснительную силу. В тех случаях, когда база данных представлена фактами человеческой деятельности [а именно так обстоит дело с владением языком (*performance*), будь то речепроизводство, восприятие или оценка (интроспекция, интуитивное предсказание) речи], мы сталкиваемся скорее с множественностью причин, чем с монокаузальностью. Поскольку мы не можем быть уверены, что выявили все релевантные факторы некоторого явления, наши прогнозы должны носить скорее вероятностный, чем детерминистский характер. Кроме того, объяснения, которые может давать ЕМ, подразумевают учет функционального и телеологического аспектов языка, которые не удается перевести всецело в план предсказания.

3. Морфология имеет четыре основные функции:

1) главной функцией словообразования является обогащение словаря, прежде всего посредством пополнения его за счет морфологически производных слов,

2) главной функцией словоизменения является передача категориальных значений — прежде всего посредством морфологически производных словоформ,

3) дополнительная функция, присущая как словоизменению, так и словообразованию, заключается в морфотактической и морфосемантической мотивации производных слов и словоформ.

* В настоящей статье излагаются основные положения подготавливаемой мной книги «Исследования по естественной морфологии».

¹ Важными исследованиями в этой области явились соответствующие части работ [3, 4], посвященные словоизменению, и [5], посвященная словообразованию. См. также монографии [6] и [7]. В этих работах можно найти разнообразные отсылки к исследованиям по морфологии, выполненным в русле других теорий. О позиции автора настоящей статьи в вопросах фонологии см. [8], в вопросах морфонологии — [9].

4. Во многих лингвистических теориях присутствует противопоставление, подобное сосюрровской дихотомии «язык — речь». Вслед за Э. Косериу [12] мы, однако, вводим более детальную пятичленную² оппозицию:

Существенно, что в этой модели скрытые или явные универсалии языка (I) как бы «фильтруются» свойствами языковых типов (II); результаты же этого процесса в свою очередь фильтруются специфическими свойствами конкретного языка (III). Наконец, эти последние фильтруются социолингвистическими нормами (IV) и характером реализации языка в речи (V). Универсалии не представляют собой нечто, берущееся «из пустоты», и не связаны с врожденными идеями, а вытекают из нужд и функций универсального свойства владения языком.

5. Введенная нами пятичленная оппозиция позволяет более четко показать внутреннюю структуру ЕМ. ЕМ включает теорию универсалий, понимаемых в виде манифестации более или менее естественных черт языка и оцениваемых соответственно с точки зрения большей или меньшей естественности данного структурного явления в языке. Эти универсалии лежат в основе как коммуникативной, так и когнитивной сторон владения языком.

Универсалии выбора между маркированными/немаркированными языковыми формами должны непременно иметь экстралингвистические основания, т. е. должны быть мотивированы внеязыковым образом. Однако поскольку в очень многих случаях не удастся выявить прямых и однозначных системных соответствий между каким-то универсальным свойством и экстралингвистическими факторами, приходится выстраивать промежуточный, металингвистический уровень — объяснительный уровень семиотики. Если лингвист изучает вербальные знаки, то семиотика (изучение знаков вообще) является дисциплиной, иерархически более высокой по отношению к лингвистике. Для тех лингвистов, которые опасаются сведения точных лингвистических понятий к нередко туманным семиотическим принципам, я должен подчеркнуть следующее. Прежде всего я по возможности ограничиваюсь довольно строгой семиотической системой Пирса. Кроме того, я считаю, что семиотические принципы должны проверяться на практике, в том числе на основе внешних/вещественных доказательств (см. ниже).

6. Существует универсальная шкала морфотактической прозрачности слов, которую в первом приближении можно представить следующим образом (подробнее см. 15.1). Оговорим заранее, что на каждой ступени данной иерархии могут действовать разные правила (разные группы правил):

I	II
Случаи, наиболее прозрачные в морфотактическом отношении (только правила выбора аллофонов релевантных фонем), ср.: <i>excite</i> ² + <i>mentlexite</i> ²	Изменение слоговой структуры, ср.: <i>exis</i> ² + <i>ence</i> при <i>exist</i>

² Знак + обозначает границу слога.

Морфонологические изменения, ср.: *conclusion* [kən'klu : ʒn] при *conclude* [kən'klu : d]

Случай, наименее прозрачные в морфотактическом отношении (морфонологические и морфологические изменения), ср.: *decision* [di'siʒn] при *decide* [di'said].

Понятие морфотактической прозрачности можно считать производным от общесемiotического принципа прозрачности знака [13]; оно тесно связано с принципами двусторонности и иконичности знака. Психолингвистические эксперименты Д. Мак-Кея [14] показали, что носители языка наилучшим образом выделяют основу в словах, относящихся к ступени I приведенной иерархии, и хуже всего — в словах, принадлежащих к IV (с постепенным ухудшением выделяемости сегментов от I к IV). Наиболее ясными оказываются словообразовательные модели в случаях типа I, наименее прозрачными — в случаях типа IV. Соответственно, для первой ступени можно говорить о наилучшей морфотактической мотивации.

Таким образом, приведенная шкала морфотактической прозрачности отвечает четырем условиям, предъявляемым к лингвистическим универсалиям в сфере морфологии, а именно: 1) имеет языковую функцию (мотивацию), 2) имеет смысл в плане владения языком (*performatance*), 3) семиотически обоснована (прозрачность), 4) находит экспериментально подтверждаемые экстралингвистические основания (в психологии восприятия).

7. Итак, если нам удалось установить универсальную шкалу морфотактической прозрачности, мы в состоянии строить следующие (сугубо вероятностные) прогнозы.

7.1. В языках мира слова и словоформы, обладающие большей морфотактической прозрачностью, должны встречаться чаще, чем морфотактически менее ясные слова (словоформы). Представляется, что этот «прогноз» хорошо подтверждается на материале различных естественных языков [15].

7.2. Учитывая соответствующие заключения смежных наук, мы можем предсказать, что при усвоении языка дети овладевают морфонологическими правилами, действующими на морфологически прозрачном материале, скорее, нежели морфонологическими правилами, оперирующими на морфологически неясном материале. Этот прогноз подтверждается также данными изучения афазии и вольностей поэтического языка [16]. Возникает, однако, вопрос, отчего языки вообще не проявляют нетерпимости к морфологически непрозрачным словам/словоформам. Рассмотрим это в следующих параграфах.

8.1. Как было показано в 4, ЕМ включает, в частности, теорию морфологической типологии. Этот компонент ЕМ основывается на тезисах В. Скалички об идеальных языковых типах (или типологических конструктах) [17]. Языковый тип — это сочетание наиболее предпочтительных структурных параметров. Однако поскольку разные структурные параметры, обслуживающие функционирование естественного языка, могут вступать в противоречие между собой, язык не в состоянии следовать наиболее естественным приемам во всех своих аспектах. Поэтому конкретный (частный) языковой тип нередко характеризуется (и составляется) более или менее естественными способами выражения одних категориальных признаков/отношений и довольно неестественными (маркированными) способами выражения других.

8.2. В качестве примера последнего утверждения рассмотрим вновь случай морфотактической прозрачности.

Морфотактическая прозрачность достигает максимума в агглютинативных языках (удачным примером здесь может быть турецкий язык), причем происходит это и за счет снижения семиотической нагруженности (*indexicality*) слов, и за счет их непомерной длины, намного превышающей оптимальную. Иначе говоря, слово в агглютинативном языке может быть весьма длинным, расстояние между основой и крайним правым суффиксом в нем — очень большим; это, в свою очередь, делает и восприятие, и произнесение слов более трудным. С другой стороны, языки флективного типа и так называемые интрофлексивные языки (примером последних яв-

ляются, скажем, семитские языки) располагают наиболее короткими и оптимально нагруженными словоформами; такие словоформы нередко совершенно непрозрачны в морфотактическом отношении. Ср. турецк. *adalarimiz-dan* и лат. *insulis nostris* «от (с) наших островов».

8.3. Образно говоря, флективные и интрофлективные языки приносят морфотактическую и морфосемантическую прозрачность в жертву оптимальной длине семиотической словоформы; агглютинативные же языки, напротив, жертвуют семиотической краткостью словоформы ради сохранения морфотактической прозрачности и семантической однозначности.

8.4. На первый взгляд может показаться, что подобный подход к морфологическим типам языка имеет те же недостатки, которые заключены в подходе с позиций «последовательного типа» (*consistency*), широко применяемом, скажем, в типологии порядка значимых элементов в духе Дж. Гринберга (критику понятия «последовательный тип» см. в [10]). Однако между нашим подходом и подходом в духе «последовательной типологии» имеются следующие различия:

1) нам удастся избежать избыточности выделяемых типов. В то время как у Гринберга насчитывается 24 основных типа, мы ограничиваемся пятью идеальными морфологическими типами (изолирующим, агглютинативным, флективным, интрофлективным, инкорпорирующим);

2) в типологии порядка слов выделяется небольшое число поверхностных синтаксических признаков; в типологии В. Скалички устанавливается широкий набор признаков, относящихся ко всем уровням структуры исследуемого языка; кроме того, признаки, на которых основывается В. Скаличка, соотносятся с естественными характеристиками языка, претендующими на универсальность;

3) системные сравнительно-исторические исследования (у В. Скалички они не предпринимались) позволяют выявить диахронические и даже генетические (ср. [11]) обоснования смешанных типологий и, более того, очерить границы последних;

4) можно вывести дедуктивно и затем получить фактические подтверждения следующим принципам формирования смешанных типов: а) в языке могут быть (помимо флективного словообразования) и другие словообразовательные средства, но не наоборот, б) флективное словоизменение может сочетаться с агглютинативным словообразованием в пределах одного языка, но не наоборот.

9. Как было показано в 4, ЕМ включает как особый компонент теорию, позволяющую описывать конкретные системы естественных языков (ср. [18, 19]). Здесь, как и при описании идеальных типов, о которых только что шла речь, существуют диахронические обоснования. Так, едва ли при описании английской морфологии в рамках ЕМ можно обойтись без следующих исторических фактов: 1) средневековый английский язык имел богатую морфологию флективного типа, однако затем претерпел резкие фонологические изменения (ср., однако, ниже, 10); 2) лексика и морфология средневекового английского языка испытали сильное влияние классических и позднее романских языков.

10. В ЕМ нет ни собственной социолингвистической, ни собственной психолингвистической теории для описания языковой нормы и правил владения языком (см. 4). Однако она последовательно обращается к соответствующим концепциям языкознания. Сторонники ЕМ с трудом пока включаются в теоретические или эмпирические исследования, посвященные проблеме диалектического взаимодействия между параметрами естественности в языке. Допустим, морфотактическая прозрачность может пострадать из-за действия естественно-фонологических правил; существует ли разрешение противоречия между естественной фонологией и ЕМ? Общая теория языковых типов и наша морфонологическая теория позволяют предсказать следующие пути.

Во флективном языке морфотактическая прозрачность обычно сохраняется в строгой, официальной речи, а естественно-фонологические правила, затемняющие эту прозрачность (ленгвия и т. д.), проявляются в первую очередь в быстрой, разговорной речи, откуда эти правила начи-

нают в дальнейшем распространяться на более медленную формальную, «правильную» речь. Став обязательными уже во всех функциональных стилях, фонологические правила с большой степенью вероятности трансформируются в морфонологические, а затем — в морфологические. Последние же подрывают морфотактическую прозрачность слов языка. Но постепенно многие морфонологические и морфологические правила утрачивают свое значение, и морфотактическая прозрачность в конечном счете может быть восстановлена [9].

11. Четырехмерное теоретическое пространство ЕМ, очерченное в 4, весьма сложно, и четко разработать его сразу едва ли удастся. Между тем хотелось бы показать, что ЕМ развивается по правильному пути. Как это сделать? В настоящее время для построения предсказательных и/или объяснительных гипотез используется пять различных стратегий.

1) Мы продолжаем строить вероятностные прогнозы относительно распределения конкретных морфологических явлений в языках мира; соответственно, наиболее естественные (с точки зрения каждого из рассматриваемых нами параметров) явления должны *ceteris paribus* быть наиболее частыми, а наименее естественные (с точки зрения тех же параметров) — исключительно редкими или вообще не представленными в языках.

2) Мы постепенно увеличиваем число отрицательных прогнозов, т. е. определяем возможные морфологические явления, которые в принципе настолько неестественны (с точки зрения тех или иных параметров оценки), что не могут встречаться в языках мира. Так, сначала нам удалось построить прогноз, согласно которому префиксы и суффиксы более естественны, чем инфиксы, а наименее естественными для языка являются трансфиксы [8, 9]. Затем, однако, мы обнаружили, что анализ словоформы семитских языков с использованием понятия «трансфикса» вообще неверен (речь идет об анализе, подразумеваемом выделением прерывных консонантных основ и прерывных вокалических трансфиксов), а значит, теоретически кажущийся возможным класс трансфиксов слишком неестествен для языка и вообще не может реально встречаться.

3) Что касается противоречий между отдельными параметрами естественности в языке, мы пытаемся свести такие противоречия к минимуму и найти путь выработки наиболее предпочтительных способов разрешения таких противоречий (ср. [6; 20, гл. 10]).

4) В этой связи приобретают особую значимость «внешние/вещественные доказательства» (ср. [9]). Если обратиться к данным смежных областей лингвистики, то можно увидеть, что релевантные «возмущающие» переменные имеют различный вес в разных сферах функционирования/применения и, соответственно, описания языка. Следовательно, мы можем предсказывать, как одни и те же противоречия будут по-разному разрешаться в разных окружениях (ср., например, один набор факторов, действующий при освоении языка нормальными здоровыми детьми, и другой набор, релевантный при освоении языка дебилными детьми) [21]. Природа сама ставит эксперименты и предоставляет нам вещественные доказательства тех или иных гипотез.

5) Но есть еще и «теневые» случаи (the devil's case). В средневековой схоластике «теневые» элементы, презумпция существования которых была обязательной, непременно шли вразрез с любой сколько-нибудь порядочной теодицеей. Точно так же крайне маловероятные теоретически, кажущиеся неестественными явления подрывают основы ЕМ. Если нам необходимо убедить кого-либо в достоинствах ЕМ, то необходимо прежде всего найти объяснение присутствию в языке подобных крайне неестественных явлений. Это, так сказать, решающий эксперимент.

12. Для толкования «теневых» элементов и явлений мы используем следующие приемы.

12.1. Соответствующее явление, составляющее «теневой» элемент (случай), должно занимать наименее приоритетное положение в иерархии всеобщей (универсальной) естественности явлений языка (см. 5).

12.2. Прогнозируется заранее, что данное «теневое» явление встречается в языках мира крайне редко, т. е. гораздо реже, чем сопоставимые с

ним по некоторому конкретному параметру, но более естественные (с позиций именно этого параметра) явления (ср. 7); необходимо получить статистически значимые доказательства данного прогноза.

12.3. Аналогичные прогнозы должны быть построены в отношении отдельных областей лингвистики, в особенности тех, которые допускают получение однозначных количественных (эмпирических) данных. Должны быть проведены соответствующие верификационные эксперименты (ср. § 11.4).

12.4. Следует определить существо противоречий между отдельными параметрами, по которым оценивается язык (языковой тип), с тем чтобы по всем прочим параметрам, кроме данного, исследуемое «теневое» явление не было столь неестественным.

12.5. Следует ввести теоретические ограничения по отношению к логически выводимым следствиям противоречий, о которых только что шла речь.

12.6. «Теневое» явление должно быть типологически ограниченным, т. е. должно встречаться не во всех возможных языковых типах. Следует показать, что оно возможно в языке типа X, но не в языке типа Y, и объяснить такую типологическую идиосинкразию.

12.7. В рамках каждого языка, в котором реально представлено данное явление, необходимо найти ему место в конкретной языковой системе (ср. 9).

12.8. Необходимо предпринять поэтапное диахроническое исследование, позволяющее удовлетворительным образом объяснить генезис и развитие данного «теневого» явления.

12.9. Названные здесь восемь ступеней анализа и интерпретации «теневого» явления приведены специально, чтобы показать существенное отличие методологии ЕМ (представляющей собой строгий научный метод) от ни к чему не обязывающих рассуждений и туманных соображений, которые так часто можно встретить в специальной литературе.

Теперь мы рассмотрим в самой краткой форме явления усечения (subtraction), интерфиксации и супплетивизма (см. соответственно 13, 14 и 15).

13.1. В рамках ЕМ анализ усечения как морфологического процесса исходит из принципа иконичности конструкции языковой единицы³. Семантическая деривация, т. е. морфосемантический аспект словообразования, прибавляет к значению основы, мотивирующему общее значение производного слова, дополнительное интенциональное значение. Так, отглагольное имя деятеля представляет интенциональное значение основы и дополняет агентивное значение. Соответственно диаграмматическое отношение между содержанием и формой оптимально, если формообразующий элемент присоединяется к основе, т. е. при аффиксации (случай А). Ср. англ. *sing-er* «певец», образованное от англ. *sing* «петь». Случай Б: иконичность конструкции будет гораздо меньшей, если имеет место модификация основы, например, путем чередования, ср. англ. *sing* «петь» — англ. *song* «песня». Случай В: иконичность вообще отсутствует в случае конверсии: ср. англ. *to cut* «резать» — *a cut* «порез, надрез, разрез» (см. [24, 25]). Случай Г — это необычайно редкий прием, когда способ словообразования можно признать попросту «антииконическим»; здесь укороченные формы приводят к «расширению» значения. Примеры, естественно, немногочисленны; ср. в гессенском диалекте немецкого языка *hond* «собака (ед. ч.)» — *hon* «собаки (мн. ч.)», где семантически более маркированный член оппозиции (форма мн. ч.) представлен более короткой в линейном отношении и, стало быть, менее формально маркированной формой, чем семантически немаркированный или более нейтральный (форма ед. ч.) [13, с. 416]. По сравнению с образованием формы мн. ч. данного слова в литературном немецком языке этот прием оказывается еще более антииконическим, ср. в современном литературном немецком *Hund* (ед. ч.), *Hunde* (мн. ч.), где используется аффиксация.

³ О словоизменительной морфологии см. [22, с. 137 и сл.; 23; 6, с. 43 и сл.].

13.2. Если на время отвлечься от гипотетических промежуточных стадий разнообразных морфологических дериваций, то окажется, что процессы усечения в «чистом виде» крайне редки и занимают очень незначительное место среди других морфологических правил. Собственно, найти какие-либо еще примеры, кроме того, который был приведен в 13.1, почти не удастся. Ни в литературном немецком языке, ни в английском, ни в литературных романских, ни в грузинском, ни в языках доциль, диэгуэньо, калиспель, пенго, белау и др. таких примеров не обнаруживается. Вероятно, усечение используется при построении топонимов в языке йидинь [26, с. 474 и сл.], возможно, в одном из случаев словообразования в русском языке (ср. *акадежика* → *академик*, см. также [27]). Симптоматично, что Ю. Найда приводит всего четыре подобных примера, два из которых оказываются просто неверно проанализированными, а два — его собственными конструктами [28, с. 75 и сл.]. В тех случаях, когда усечение используется для сокращения компонентов сложного слова или сокращения всего этого слова, ему всегда сопутствует дополнительное приращение другого компонента, ср. нем. *Ton + band* «магнитная лента» — (*Ton*)*band + gerät* «магнитофон». Однако неясно, стоят ли за такими случаями реальные морфологические правила [28, § 5].

13.3. Теперь мы кратко рассмотрим венгерские уменьшительные формы типа *Erzsebet* «Элизабет, Елизавета» — *Erzsi* «Бета, Лиза» и *zongora* ≈ «пьянино, рояль» — *zongi* (уменьш. от *zongora*) «dear little piano». Во-первых, усечение более длинного слова до допустимого правилами односложного компонента (*Erzsz, zongl*), но [ág] в случае *Agnes — Agi*) является промежуточным процессом, за которым следует обязательное компенсаторное присоединение демунитивного суффикса *-i*, который как бы смягчает эффект усечения. К сожалению, у нас нет никаких данных о статусе этого явления при усвоении языка детьми, расстройках речи и т. п.

13.4. Имеются и дополнительные факторы, препятствующие соблюдению конструктивной иконичности и мотивирующие необходимость (желательность) усечения. Во-первых, уменьшение длины слова (путем его усечения и другими приемами) в демунитивных формах мотивировано метафорически постольку, поскольку метафорическая основа для обращения к детенышам любимых животных (ср. [6, с. 99 и сл., 151, 181]). В связи с тем, что метафоры также являются знаками, возникает противоречие между конструктивной иконичностью и знаковостью метафоры. Во-вторых, приведенные гипокористические формы нередко используются как звательные. Что же касается усечения вокативных форм, то оно хорошо известно как в случае аналитических, так и синтетических вокативов: ср. в диалектах юга Италии *Dotto!* «Доктор!» (от *dottore* «доктор»), в русском *Сереза — Серез!* (о причинах этого явления см. [29]).

13.5. Таким образом, усечение венгерских форм объясняется тремя причинами, а недостаточная естественность таких форм связана только с одним параметром оценки языкового устройства (ср. 15.5).

13.6. Любопытно, что усечение демунитивных, гипокористических и вокативных форм шире распространено в языках разных типов, чем менее мотивированное усечение, которое, по-видимому, встречается только в языках флективного типа (см. 13.2).

13.7. В венгерском языке главное ударение всегда падает на первый слог слова, а, скажем, в немецком имеется тенденция к фиксации ударения на более правых слогах мноморфного многосложного слова, в том числе и имени собственного. Таким образом, оказывается, что усечение венгерского *Erzsebet* до *Erzsi*⁴, а немецкого *Elisabeth* до *Li(esi)* (основной звательный вариант) согласуется с особенностями системы каждого из этих языков. Отсюда та легкость, с которой можно обнаружить заимствования из

⁴ Английские формы регулярностью не обладают и абсолютно непредсказуемы; иначе говоря, они представляют собой не примеры действия словообразовательных правил, а реликты детского языка или намеренно исковерканной речи. Что же касается венгерских форм и аналогичных форм в языке африкаанс, то они образуются по продуктивным правилам.

венгерского в системе звательных/уменьшительных форм австрийского варианта немецкого языка и наоборот.

14.1. Интерфиксы в русском языке представляют собой класс пустых морфем, таких, как *-ов-*, *-ин-*, *-(и)й-*, соответственно в прилагательных *глинковский* (= *глинковский*), *альпийский*, *кофейный* (образованных от *Глинка*, *Альпы*, *кофе*) или в именах *баймаковец*, *туапсинец*, образованных от *Баймак*, *Туапсе*. Пустая морфема является интерфиксом, если она отвечает следующим трем условиям [30]: 1) представляет собой аффикс, который разделяет основу и первый (значимый) суффикс (или две основы), 2) не имеет никакого конкретного значения и даже не выступает в качестве регулярного сопровождения определенного суффикса, следующего за ней, 3) не может быть описана в терминах морфологических правил включения (*insertion*) в рамках теории, которая различает морфологические правила в целом и правила распределения алломорфов.

Пустая морфема с точки зрения шкалы семантической прозрачности представляет собой чрезвычайно неестественное образование (наиболее естественным будет, конечно же, одно-однозначное соотношение между формой и значением аффикса). Формы интерфикса определяются либо рифмой (как в *алп + ий + ский*), либо исходом слога (как в *ко^тфе + й^т + + мый*), либо рифмой одного слога и началом следующего (как в *бай^тма^тк + + о^т + ец*). Таким образом, начальный звук слога и начальный звук пустой морфемы никогда не совпадают; следовательно, интерфикс начинается с менее значительной для восприятия части слога, а это затрудняет «обработку» его при восприятии речи. Что касается *-ов-* в *баймаковец*, то эта пустая морфема совсем трудна для восприятия, поскольку ее границы вообще не совпадают со слоговыми. Иначе говоря, интерфиксы довольно неестественны с точки зрения иерархии морфотактической прозрачности.

14.2. Интерфиксы, которые отвечали бы трем условиям, приведенным в 14.1, весьма редки. Помимо приведенных русских примеров, образцы интерфиксов можно найти в испанском языке (*casa* «дом», аугментатив *cas-er-on* с суф. *-on*), в немецком — при соединении компонентов сложного слова (*Rind-s-braten* = *Rind-er-braten* «ростбиф»), крайне редко — в латыни, в формах сравнительной и превосходной степеней прилагательных с *-ent* (ср. *bene-vol-us* «благожелательный», сравн. степень *bene-vol-ent-ior*, превосх. степень *bene-vol-ent-issimus*). Пример интерфикса — *-sc-* в итальянском см. 15.7.

14.3. У нас нет никаких существенных фактов из смежных отраслей языкознания (кроме, пожалуй, данных исторической лингвистики), свидетельствующих о том, что интерфиксы возникают при переосмыслении морфологической структуры и весьма нестабильны в языке.

14.4. Интерфиксы представляются неестественными и с точки зрения морфосемантической, и с точки зрения морфотактической прозрачности. Однако здесь вступает в действие принцип конструктивной иконичности: обычно морфосемантически прозрачные деривационные модели оказываются и морфотактически прозрачными (это имеет место при действии продуктивных морфологических правил), и наоборот, морфосемантически непрозрачные образования неясны и морфотактически. Таким образом, имеется несомненная взаимосвязь между морфосемантической и морфотактической прозрачностью/непрозрачностью, а это указывает на иконический характер данного соотношения.

Поскольку интерфиксы непрозрачны и морфосемантически, и морфотактически, мы можем считать их иконическими знаками. Иначе говоря, интерфиксы трудны для восприятия, но трудности, возникающие в связи с их идентификацией в потоке речи, несущественны, т. к. интерфиксы не имеют собственного значения. Именно это кардинальным образом отличает интерфиксы от прочих аффиксов — как в морфосемантическом, так и в морфотактическом отношении.

14.6. Чисто типологически интерфиксы, по-видимому, встречаются только в языках флективного типа (ср. 15.6 и 14.7).

14.7. Интерфиксы нередко появляются после относительно коротких основ, как бы уменьшая относительную длину последующего суффикса

и вместе с тем приводя ее к норме, «принятой» в языке флективного типа. Вставка интерфикса нередко выступает как альтернатива применения морфонологических правил или правил распределения алломорфов; подобные правила подрывают морфотактическую прозрачность (однозначность) основы и/или суффикса; вставка же интерфикса избавляет последние от дальнейших изменений.

14.8. Что касается диахронических аспектов интерфиксации, то мы ограничимся здесь ссылкой на работы [31, 32], а также на диссертационное исследование русского суффикса и интерфикса *-ov-* (автор П. Дауэрты, Вена).

15.1. Супплетивизм и тем более сильный супплетивизм в языке с точки зрения иерархии морфотактической прозрачности — явление крайне неестественное (ср. 6).

I	II	III	IV
Действуют только правила выбора конкретных аллофонов: <i>excite</i> + <i>'ment</i> <i>excite</i>	Могут действовать правила фонологического типа, например, наменение слоговой структуры: <i>exist</i> + <i>ence</i> <i>exist</i>	Могут действовать фонологические правила нейтрализации: <i>rid</i> + <i>er</i> (амер.) <i>ride</i>	Могут действовать морфонологические правила (слияние невозможно), например, ассимиляция веларных: <i>electric</i> + <i>ity</i> <i>electric</i>
V	VI	VII	VIII
Могут действовать морфонологические правила, в том числе слияние: <i>conclusion</i> <i>conclude</i>	Могут действовать морфонологические правила: <i>decision</i> <i>decide</i>	Супплетивизм слабый <i>childr</i> + <i>e</i> <i>child</i>	(правил нет) сильный <i>be, am, are, is, was</i>

15.2. Супплетивизм, и особенно сильный супплетивизм, должен быть очень редким явлением. Рассмотрим примеры из итальянского языка. В итальянском словоизменении супплетивизм наблюдается в следующих случаях.

15.2.1. При выражении числа (всего три примера, причем все три иллюстрирует слабый супплетивизм): *uomo* «человек, мужчина», мн. ч. *uomin-i*; *buo* «бык», мн. ч. *buo-i*; *dio* «бог», мн. ч. *dei*.

15.2.2. В некоторых формах сравнительной и превосходной степеней прилагательных (случаи сильного супплетивизма): *buono* «хороший», *migliore* «лучше», *ottimo* «очень хороший»; *cattivo* «плохой», *peggiore* «хуже», *peggimo* «наихудший»; *grande* «большой», *maggiore*, *massimo* «наибольший»; *molto* «много», *più* «больше»; *poco* «мало», *meno* «меньше», *minimo* «наименьший».

15.2.3. Определенные артикли: муж. р. *il* ~ *lo*, мн. ч. *i* ~ *gli*.

15.2.4. Личные местоимения (здесь наблюдается как сильный, так и слабый супплетивизм): *io* «я», в косв. падежах *me/mi*, *tu* «ты», в косв. падежах *te/ti*; *noi* «мы», в косв. падежах *ci*; *voi* «вы», в косв. падежах *vi*.

15.2.5. Вспомогательные и модальные глаголы (имеет место как сильный, так и слабый супплетивизм):

инфинитив	<i>essere</i> «быть»	<i>avere</i> «иметь»	<i>potere</i> «мочь»
ед. 1-е л.	<i>sono</i>	<i>ho</i>	<i>posso</i>
2-е л.	<i>sei</i>	<i>hai</i>	<i>puoi</i>
3-е л.	<i>è</i>	<i>ha</i>	<i>può</i>
мн. 1-е л.	<i>siamo</i>	<i>abbiamo</i>	<i>possiamo</i>
2-е л.	<i>siete</i>	<i>avete</i>	<i>potete</i>
3-е л.	<i>sono</i>	<i>hanno</i>	<i>possono</i>
буд. вр.	<i>sarò</i>	<i>avrò</i>	<i>potrò</i>
имперф.	<i>ero</i>	<i>avevo</i> (регулярно)	<i>potevo</i>
прет.	<i>fui</i>	<i>ebbi</i>	<i>poteti</i>
пртч.	<i>stato</i>	<i>avuto</i> (регулярно)	<i>potuto</i>

инфинитив	<i>volere</i> «хотеть»	<i>dovere</i> «долженствовать»
ед. 1-е л.	<i>voglio</i>	<i>devo</i>
2-е л.	<i>vuoi</i>	<i>devi</i>
3-е л.	<i>vuole</i>	<i>deve</i>
мн. 1-е л.	<i>vogliamo</i>	<i>dobbiamo</i>
2-е л.	<i>volete</i>	<i>dovete</i>

3-е л.	<i>vogliono</i>	<i>devono</i>
буд. вр.	<i>vorrò</i>	<i>dovrò</i>
имперф.	<i>volevo</i>	<i>dovevo</i>
прет.	<i>vollì</i>	<i>dovetti</i>
прич.	<i>voluto</i>	<i>dovuto</i>

15.2.6. Несколько знаменательных (полнозначных) глаголов, у которых в основном представлен слабый супплетивизм:

инфинитив	<i>fare</i> «делать»	<i>andare</i> «идти»
ед. 1-е л.	<i>facchio (fo)</i>	<i>vado (vo)</i>
2-е л.	<i>fai</i>	<i>vai</i>
3-е л.	<i>fa</i>	<i>va</i>
мн. 1-е л.	<i>facciamo</i>	<i>andiamo</i>
буд. вр.	<i>farò</i>	<i>andrò</i>
прет.	<i>feci</i>	<i>andai</i>
прич.	<i>fatto</i>	<i>andato</i>
инфинитив	<i>sapere</i> «знать»	<i>uscire</i> «выходить»
ед. 1-е л.	<i>so</i>	<i>esco [esko]</i>
2-е л.	<i>sai</i>	<i>esci [esi]</i>
3-е л.	<i>sa</i>	<i>esce [ese]</i>
мн. 1-е л.	<i>sapiamo</i>	<i>usciamo [usamo]</i>
буд. вр.	<i>saprò</i>	<i>uscirò</i>
прет.	<i>seppi</i>	<i>uscii</i>
прич.	<i>saputo</i>	<i>uscito</i>

15.2.7. При деривации супплетивизм проявляется при образовании порядковых числительных от количественных (здесь имеются случаи как слабого, так и сильного супплетивизма), ср. итал. *uno* «один» — *primo* «первый»; *due* — «два» — *secondo* «второй»; *tre* «три» — *terzo* «третий»; *quattro* «четыре» — *quarto* «четвертый»; *cinque* «пять» — *quinto* «пятый»; *sei* «шесть» — *sesto* «шестой»; *sette* «семь» — *settimo* «седьмой»; *otto* «восемь» — *ottavo* «восьмой»; *nove* «девять» — *nono* «девятый»; *dieci* «десять» — *decimo* «десятый» (пример регулярного образования порядкового числительного с суф. *-esimo*).

15.2.8. Слабый супплетивизм довольно редко, а сильный — крайне редко используется при образовании прилагательных от названий стран и городов, например:

<i>Arezzo</i> → <i>aret-ino</i>	«аретинский»
<i>Firenze</i> → <i>fiorent-ino</i>	«флорентинский, флорентийский»
<i>Gubbio</i> → <i>eugub-ino (gubb-ino)</i>	«принадлежащий Губбио»
<i>Nepi</i> → <i>neves-ino (nep-ese)</i>	«принадлежащий Неши»
<i>Londra</i> → <i>londin-ese</i>	«лондонский»
<i>Basilicata</i> → <i>lucano</i>	«относящийся к Базиликата» ⁵
<i>Chieti</i> → <i>teat-ino (chiet-ino)</i>	«принадлежащий Кьетти»
<i>Germania</i> → <i>tedesco</i>	«немецкий»
<i>Ceylon</i> → <i>singalese</i>	«сингапльский».

15.3. Дети усваивают супплетивные формы позже, чем несупплетивные.

15.4.1. Если говорить о возможных противоречиях, возникающих при интерпретации приведенных случаев супплетивизма, то можно заметить, что некоторые из них имеют прагматическую мотивировку, поскольку супплетивные формы нередко используются метафорически (а значит, иконически) для указания на специфические отличия описываемой сущности от других (33, с. 42 и сл.; 34; 35, с. 39; 36, с. 96 и сл.); так, например, итал. *dei* (см. 15.2.1) обозначает языческие божества в противоположность богу в христианском понимании (*Dio*); «первый» и «второй» (15.2.7), обычно имеющие супплетивные формы, часто используются вне системы счета, в несобственно цифровом значении. Далее, «мы» (ср. итал. *noi*, 15.2.4) — это не просто мн. ч. от «я», так же как «вы», нередко нельзя представить как обычное мн. ч. от «ты» (ср. соответственно итал. *voi* и *tu*). Следовательно, мы можем предсказать, что супплетивная форма «мы» должна чаще встречаться в языках мира, чем супплетивная форма «вы»; на практике выясняется, что так оно и есть.

⁵ Другое распространенное название итальянской области Базиликата — Лукавия, отсюда и форма прилагательного (Примеч. перев.).

Наконец, супплетивные прилагательные, образованные от названий мест, обычно — в отличие от регулярных образований — маркированы стилистически и социально, и носитель языка не строит их аналогически, а «заучивает». Это также можно признать особым случаем наличия специфических отличий и маркированности.

15.4.2. При усвоении языка и в процессе языковых изменений супплетивные формы нередко подвергаются выравниванию по аналогии. Возникает вопрос: при каких условиях супплетивные формы активнее всего сопротивляются подобному выравниванию?

15.4.3. Чем частотнее форма в языке, тем лучше и тем скорее она будет сохраняться в памяти и, соответственно, удерживаться в языке; *uomini* (см. 15.2.1) была самой частой из всех латинских форм мн. ч. на *-ines* (в соотношении с формой ед. ч. на *-o*); сохранившиеся формы сравнительной/превосходной степеней (см. 15.2.2) весьма частотны; вспомогательные и модальные глаголы, равно как и приведенные выше полнозначные глаголы — наиболее частотны. Супплетивные порядковые числительные тем типичнее в языках мира, чем меньше выражаемое ими число. Среди прилагательных, образованных от топонимов, по крайней мере топонимов Италии, супплетивные формы соотносятся с названиями довольно больших (а значит, и нередко упоминаемых) мест.

15.4.4. Основные с прагматической точки зрения формы лучше сопротивляются изменениям [33, с. 41], поскольку именно более базисные в прагматическом отношении понятия скорее оказывают влияние на менее базисные, чем наоборот (ср. [37]). Сказанное относится к таким лексическим единицам, как артикли, местоимения, глаголы, числительные первого десятка, названия больших городов.

15.4.5. Аналогическое воздействие одних форм на другие будет более значительным в больших классах языковых единиц (где значительное количество регулярных форм может оказывать влияние на некоторые исключения), а не в небольших классах. Нет нужды говорить, что артикли, местоимения, вспомогательные и модальные глаголы (итал. *fare* «делать», *andare* «идти» также нередко используются как модальные) и числительные образуют небольшие классы.

15.4.6. Усвоение детьми числительных происходит не парами типа «один» — «первый», «два» — «второй», «три» — «третий» и т. д., а отдельными рядами, т. е. отдельно усваиваются порядковые, отдельно — количественные числительные. Аналогично при диахронических изменениях гораздо больше сходства можно обнаружить между развитием конкретных числительных одного ряда, чем между развитием числительных в двух разных рядах, даже если они соотносятся с одним числом [30].

15.5. По-видимому, при возникновении противоречий, о которых мы говорили, результат будет напоминать тот, который описан в 13.5: чем выше мотивация супплетивной формы, тем больше у нее шансов сохраниться в языке.

15.6. Если говорить о типологических ограничениях, можно сделать следующие заключения (см. также 13.6, 14.6):

Посылка I. Если параметр естественности более значим в языковом типе X, чем в языковом типе Y, то морфологические явления, неестественные с точки зрения этого параметра, должны встречаться в типе X гораздо реже, чем в типе Y.

Посылка II. Морфосемантическая и морфотактическая прозрачность (см. 6), реализующаяся в виде конструктивной иконичности (см. 13.1), гораздо более значима в агглютинативном типе, нежели во флективном, интрофлексивном и инкорпорирующем.

Посылка III. Морфологическое усечение, интерфиксация и супплетивизм по параметрам оценки типов оказываются весьма неестественными явлениями.

Закключение. Признанные неестественными явления должны тем реже встречаться в конкретном языке, чем выше в нем степень агглютинации. Данный теоретический прогноз подтверждается на практике. Например, в последовательно агглютинативном языке, каким является турецкий,

супплетивизм ограничен сферой личных местоимений и вспомогательным глаголом *уаг* «имеется» — *уок* «не имеется». В языках с меньшей степенью агглютинации (финский, венгерский) супплетивизма уже несколько больше, однако он не достигает даже того объема, какой можно наблюдать у столь незначительно флективных языков, как английский, французский или итальянский. В эстонском языке, который перешел от агглютинативного типа к флективному, степень супплетивизма такая же, как в языках, являющихся типичными представителями флективности. Тохарский же, перейдя от флективности к значительной агглютинативности, утратил большинство супплетивных форм, доставшихся ему из праиндоевропейского.

15.7. Анализ системной адекватности супплетивизма в итальянском языке будет предпринят нами в отдельной работе, в которой, помимо прочего, предполагается подробно обсудить данные диалектных исследований и диахронические изменения. Здесь же мы остановимся лишь на одном частном аспекте (на который обратил наше внимание А. Замбони, Падуа). Во многих случаях супплетивные модели действуют как бы параллельно с правильной алломорфией. Так, в 15.2.5^{мы} приводили случаи, когда форма 3-го л. мн. ч. глагола совпадает с другими формами единственного числа, а не множественного, как можно было бы ожидать. Аналогично распределяется и итальянский интерфикс *-sc-*, ср. *finire* «заканчивать, заканчиваться»: *fini-sc-o, fini-sc-i, fini-sc-e, finiamo, finite, fini-sc-ono*.

15.8. Диахроническое изучение супплетивизма в итальянском языке призвано пролить свет на противоречия между фонологией и морфологией, которые возникают, например, при переходе от лат. *Arretium* → *Arretinus* к итал. *Arezzo* → *aretino* (ср. 15.2.8), при заимствовании топонимов и их парадигм и т. д. Однако можно полагать, что приведенных выше примеров здесь будет достаточно.

16. В настоящей работе была сделана попытка показать, как ЕМ выдвигает различные объяснения фактов языка на основании всеобщих и типологических принципов. В заключение нам хотелось бы сравнить наш подход с методами, принятыми в современной советской лингвистике (естественно, что речь будет идти только о том, что известно автору этой статьи). Общее заключается в функциональном подходе к явлениям языка; этот подход, по крайней мере, в рассматриваемом нами смысле, выходит далеко за рамки пражского функционализма (ср. [38]). Мы надеемся, что здесь и в других наших работах нам удалось показать, что для морфологии, как и для прочих областей языкознания, крайне важен учет двух основных функций языка — коммуникативной и когнитивной⁶. В настоящую работу был включен пример на интерфиксы в русском языке, которыми советские русисты много занимались.

Иные параллели обнаруживаются в огромном интересе и внимании к типологии — как общей [39—42], так и типологии отдельных языковых групп (семей) [39]. Автор этой статьи разделяет мысль о том, что нет идеальных морфологических типов и что это связано отчасти с диалектическими противоречиями в области морфологии (ср. противоположную точку зрения в [7]). С другой стороны, автор настаивает на необходимости сочетать типологическое исследование с изучением языковых универсалий, причем не только в индуктивных работах по универсалистике (как это постулируется в [43]), но и в дедуктивных штудиях.

Объяснительные гипотезы в морфологии должны основываться на модели морфологических универсалий (в нашей теории это модель морфологической естественности). Универсалии морфологической естественности доступны говорящему и осознаются им; языковые коллективы предпочитают более естественные решения во всех спорных случаях (в той мере, в какой выбор между более и менее естественным решением допускается диалектикой самого языка). Семиотический и функциональный подходы,

⁶ Многие советские языковеды говорят о коммуникативной и «номинативной» функциях, однако предполагаемые границы последней соотносятся со сферами действия когнитивной и отчасти коммуникативной функций (например, название также может составлять особый коммуникативный речевой акт).

продемонстрированные здесь, позволяют достичь большей непротиворечивости и большей объяснительной силы в рамках данной теории.

Несомненно, нам удалось осветить не все аспекты объяснительного действия Δ ЕМ, поскольку в данной статье мы не занимаемся непосредственно кругом проблем, всегда бывших в центре внимания советской лингвистики — проблемами социальной природы языка. Здесь, мы, во-первых, касались социолингвистических проблем в ином ракурсе (см. 4, 10, 15.4.1), поскольку прежде всего нас интересовали общегипологические вопросы. Несомненно, однако, что любая интерпретация сосюрровского *parole* должна учитывать в качестве промежуточного уровня план социолингвистических норм. С другой стороны, мы очень кратко наметили связь универсальных явлений с их экстралингвистическими основаниями, а эти последние имеют не только психологическую (в том числе и нейробиологическую) природу, но и социальную.

Перевела с английского *Полинская М. С.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Eco U.* The influence of Roman Jakobson on the development of semiotics.— In: R. Jakobson: Echos of his scholarship. Ed. by Armstrong D., van Schooneveld C. H. Lisse, 1977.
2. *Кодзасов С. В., Круникова О. Ф.* Современная американская фонология. М., 1981.
3. *Mayerthaler W.* Studien zur theoretischen und französischen Morphologie. Tübingen, 1977.
4. *Wurzel W. U.* Zur Stellung der Morphologie in Sprachsystem.— In: Linguistische Studien, A 35 Berlin, 1977.
5. *Dressler W.* Elements of a polycentric theory of word formation.— In: Wiener linguistische Gazette, 1977, 15.
6. *Mayerthaler W.* Morphologische Natürlichkeit. Wiesbaden, 1981.
7. *Wurzel W. U.* Flexionsmorphologie und Natürlichkeit.— In: Studia grammatica, 1984, 21.
8. *Dressler W.* Explaining natural phonology.— In: Phonology yearbook, 1985, 1.
9. *Dressler W.* Morphology. Ann Arbor, 1985.
10. *Smith N. V.* Consistency, markedness and language change: of the notion «consistent language».— Journal of linguistics. 1981, 17.
11. *Stegmüller W.* Das ABC der modernen Logik und Semantik. Der Begriff der Erklärung und seiner Spielarten. Berlin, 1969.
12. *Coseriu E.* Sistema, norma e «parola».— In: Festschrift V. Pisani. Brescia, 1969.
13. *Koj L.* The principle of transparency and semiotic antinomies. In: Semiotics in Poland. Ed. by Pelc J. Dordrecht, 1979.
14. *Mackay D. G.* Derivational rules and the internal lexicon.— Journal of verbal learning and verbal behavior, 1978, 17.
15. *Dressler W.* Zur semiotischen Begründung einer natürlichen Wortbildungslehre.— In: Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft, 1982, 8.
16. *Dressler W.* General principles of poetic license in word formation.— In: Logos Semantikos. Festschrift E. Coseriu. Ed. by H. Weydt. II. Berlin, 1981.
17. *Skalička V.* Typologische Studien. Braunschweig, 1979.
18. *Wurzel W. U.* Some remarks on the relations between naturalness and typology.— TCLC, 1980, 20.
19. *Wurzel W. U.* Problems in morphonology.— In: Phonologica, Akten der 4-ten Phonologie-Tagung. Innsbruck, 1980.
20. *Panagl O.* Aspekte der kindersprachlichen Wortbildung.— In: Salzburger Beiträge zur Linguistik, 1977, IV.
21. *Dressler W., Schaner-Wolles Ch., Grossman W.* On the acquisition of morphology in normal children and children with Down's syndrome.— In: Studia grammatyczna. 1985, 7.
22. *Zwicky A.* On markedness in morphology.— Sprache, 1978, XXIV, p. 137.
23. *Mayerthaler W.* Morphologischer Ikonismus.— Zeitschrift für Semiotik, 1980, 2.
24. *Aronoff M.* Potential words, actual words, productivity and frequency.— In: Proceedings of the XIII International congress of linguists. Tokyo, 1983.
25. *Pennanen E.* Observations on word-formation and syntax. LAUT, 1980.
26. *Dixon R. M. W.* A Grammar of Yidiŋ. Cambridge, 1977.
27. *Dressler W.* Subtraction in word formation and its place within a theory of natural morphology.— Quaderni di semantica, 1984, 5.
28. *Nida E.* Morphology. Ann Arbor, 1961.
29. *Winter W.* Vocative and imperative.— In: Substance and structure of language. Ed. by Puhvel J. Berkeley, 1966.
30. *Dressler W.* Zur Wertung der Interfixe in einer semiotischen Theorie der natürlichen Morphologie.— In: Festschrift G. Hüttl-Folter. Wien, 1985.
31. *Malkiel Y.* Los interfijos hispánicos.— In: Miscelánea homenaje a A. Martinet. II. Madrid, 1958.

32. *Malkiel Y.* Genetic analysis of word-formation.— In: *Current trends in linguistics*. 3. 1966.
33. *Osthoff H.* *Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen*. Heidelberg, 1899.
34. *Anttila R.* The metamorphosis of allomorpha.— *Lacus*, 1975, № 2.
35. *Anttila R.* The indexical element in morphology.— In: *Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*, 1975, V, 42.
36. *Plank F.* *Morphologische (Ir-) Regularitäten*, Tübingen, 1981.
37. *Vennemann T.* Phonetic analogy and conceptual analogy.— In: *Schuchardt, the Neogrammarians and the transformational theory of language change*. Ed. by Vennemann T. and Wilbur T. H. Frankfurt-am-Main, 1972.
38. *Зевинцев В. А.* Функция и цель в лингвистической теории.— В кн.: *Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики*. М., 1977.
39. *Климов Г. А.* О понятии языкового типа.— *ВЯ*, 1975, № 6.
40. *Теоретические основы классификации языков мира*. Под ред. Ярцевой В. Н. М., 1980.
41. *Кацнельсон С. Д.* Лингвистическая типология.— *ВЯ*, 1983, № 3, 4.
42. *Шараденидзе Т. С.* Типология языков в синхроническом и диахроническом плане. Тбилиси, 1982.
43. *Климов Г. А., Алексеев М. Е.* Типология кавказских языков. М., 1980.